
История

УДК 94:27-9(476+474.5)''14/15''

EDN: AJWEUK

Проблема единства христианской церкви в ВКЛ в конце XIV – начале XVI вв.

С.Ф. ВЕРЕМЕЕВ

В статье рассмотрены попытки восстановления единства христианской церкви, предпринятые представителями светской и духовной элиты ВКЛ в период XIV – начала XVI вв. Охарактеризовано отношение латинского духовенства к унии с Восточной церковью.

Ключевые слова: Восточная церковь, Западная (Латинская) церковь, Киевская (Русская) митрополия, Флорентийский собор, уния.

The article examines the attempts to restore the unity of the Christian Church made by representatives of the secular and spiritual elite of the Grand Duchy of Lithuania in the period of the late XIV – early XVI centuries. The attitude of the Latin clergy to the union with the Eastern Church is characterized.

Keywords: Eastern Church, Western (Latin) Church, Kiev (Russian) Metropolis, Florence Cathedral, Union.

События 1054 г. стали отправной точкой разделения прежде единой христианской церкви на Западную (Латинскую или Римско-Католическую) и Восточную (Греческую или Православную). На протяжении последующих столетий неоднократно предпринимались попытки преодоления этого раскола, в том числе и представителями властных элит, светских и духовных, Великого княжества Литовского. Для ВКЛ, в состав которого входили белорусские земли, эти инициативы имели особенное значение и актуальность: хотя преимущественное большинство его жителей составляли православные русины, часть населения принадлежала к Латинской церкви, которая ещё в XIV в. приобрела привилегированное положение в стране. Религиозное единство выступало залогом внутренней прочности, стабильности государства. Стремление к нему диктовалось ещё и христианскими мотивами (призывом Христа «Да будут все едино» (Ин. 17:20)).

Ещё в 1396 г. великий князь литовский Ягайло и митрополит Киевский и всея Руси Киприан обратились к Константинопольскому патриарху Антонию с предложением созвать на территории ВКЛ собор представителей Восточной и Латинской церквей для преодоления существующих разногласий и восстановления христианского единства. Ягайло в своём намерении наряду с сугубо прагматическим мотивом сплочения своих подданных мог руководствоваться и христианскими побуждениями, в том числе и по причине своего неопитства (неофиты, как правило, зачастую отличаются религиозным рвением). О позиции Витовта по данному вопросу ничего не известно, но, принимая во внимание его дальнейшую политику, направленную на объединение с Латинской церковью (об этом речь пойдёт ниже), можно предположить, что он поддерживал унионные намерения Ягайло.

В январе 1397 г. Ягайло и митрополит Киприан получили ответ от константинопольского патриарха Антония. Патриарх их предложение не поддержал, аргументируя свою позицию тем, что для проведения объединительного собора ещё не пришло время, так как Византия занята войной с турками. Вернуться к обсуждению этого вопроса, по его мнению, можно было бы после преодоления турецкой угрозы. При этом патриарх отмечал, что территория ВКЛ является неподходящим местом для проведения собора Греческой и Латинской церквей (такой собор имел бы статус вселенского) в силу своей отдалённости, туда проблематично было бы приехать представителям древних восточных патриархатов, например,

Александрийского. Более уместно, на его взгляд, было бы провести такой собор в Константинополе [1, с. 338–339], [2, с. 509–511]. Таким образом, реализация инициативы Ягайло и Киприана была отложена на неопределённое время.

Спустя двадцать лет, в 1417 г. была предпринята очередная попытка восстановления единства Латинской и Восточной церквей. Здесь необходимо кратко описать её предысторию. В 1415 г. по воле Витовта на соборе в Новогрудке митрополитом Восточной церкви на территории ВКЛ (Литовской митрополии) был избран Григорий Цамблак. Его избрание состоялось без санкции Константинополя, поэтому Цамблак не получил признания патриарха и более того, даже был отлучён от церкви и предан анафеме. Однако анафема, как это нередко случалось в церковной истории, действовала недолго. Византия не хотела обострения конфликта с Витовтом, нуждаясь в его военной помощи в борьбе с турками, поэтому уже вскоре Константинопольский патриарх Иосиф II (с 1416 г.) признал Цамблака законным митрополитом [3, с. 585]. Вскоре после этого, в 1417 г. Григорий Цамблак во главе делегации Литовской митрополии, включавшей четырех православных епископов из ВКЛ, принял участие в проходившем тогда соборе Западной церкви в г. Констанц. Ему был оказан торжественный приём, встретить делегацию выехал лично император Священной Римской империи Сигизмунд I. В приветственной речи, обращённой к Папе Мартину V и другим участникам собора, Цамблак предложил создать новый собор с участием представителей Западной и Латинской церквей, чтобы обсудить существующие между ними различия в вероучении и «воедино собрать расщепленное тело церковное» [2, с. 513–514]. Цамблак говорил о том, что для заключения унии сложились благоприятные условия, её поддерживают Ягайло и Витовт, а также император Византии и патриарх Константинополя. Папа приветствовал эти намерения [2, с. 513–516]. В историографии существует мнение, что на самом деле Цамблак выступал против унии с Латинской церковью и действовал вынужденно, исполняя волю Витовта и Ягайло [3, с. 586], однако это мнение спорное. Известно, к примеру, что Ягайло писал впоследствии Папе Мартину V о Цамблаке как о человеке, желавшем унии [2, с. 517–518]. Что касается правителей ВКЛ и Польши, то в их приверженности унии, по крайней мере на тот момент, не приходится сомневаться.

В поддержку восстановления единства Восточной и Западной церквей выступал князь Свидригайло и современный ему киевский митрополит Герасим (1432–1435 гг.). В 1431 г. начал работу собор в г. Базель, созданный Папой Мартином V с целью реформы Западной церкви [4, с. 433–434]. В марте 1433 г. от имени «*князей, знати, бояр, военных, городов и горожан русских земель*» участникам Базельского собора было направлено письмо в поддержку церковной унии [5, с. 153]. В июле того же года к Базельскому собору обратился Свидригайло, который писал о своих усилиях убедить в необходимости восстановления церковного единства «*князей, воевод и знатных русских*». Папа Евгений IV в своём ответном послании, датированном октябрём 1434 г., призывал митрополита Герасима не прекращать объединительных усилий и предлагал ему предпринять следующее: созвать в ВКЛ церковный собор, который бы дал ему полномочия для заключения унии, после чего самому приехать в Рим и окончательно решить данную проблему. Помимо того, Папа дал митрополиту охранную грамоту, призывающую католиков содействовать переговорам [5, с. 154]. Однако вскоре Герасим был заподозрен Свидригайло в измене в пользу Сигизмунда Кейстутовича (в то время в ВКЛ шла борьба за великокняжеский престол между Свидригайло и Сигизмундом), в марте 1435 г. арестован и спустя некоторое время сожжён заживо. Устранение одного из ведущих акторов унионного процесса, надо полагать, значительно ослабило последний. С другой стороны, ряд историков ставит под сомнение приверженность Герасима к унии. Так, авторы «Православной энциклопедии» обращают внимание на то, что о проуниатской позиции Герасима мы знаем лишь на основании свидетельства послов великого князя Литовского, которые могли выдавать желаемое за действительное [5, с. 154]. Церковный историк М. Веретенников полагает, что Герасим стремился не к унии, а к «*паритетному богословскому диалогу*» с католиками [6].

Базельский собор стал неким прологом Ферраро-Флорентийского собора 1438–1439 гг. (первоначально открылся в г. Феррара, но из-за эпидемии чумы был перенесён во Флоренцию). Участие в нём приняли представители как Западной церкви (во главе с Папой), так и

Восточной (во главе с императором Византии и патриархом Константинополя). Восточно-христианский мир представляло 700 делегатов, среди которых были епископы из ВКЛ, Московского княжества, Болгарии, Румынии, Грузии, стран Ближнего Востока. Делегацию Русской церкви возглавлял митрополит Исидор (митрополит с 1436 г.). Отметим, что в то время он признавался главой Киевской митрополии как в ВКЛ, так и в Московском государстве (в юрисдикции находилось 18 епархий) [7, с. 82], именно из Москвы он отправился на собор [8, с. 1724], где являлся одним из главных действующих лиц.

Обсуждение вероучительных разногласий проходило на соборе на равноправной основе. Обе стороны – латинская и греческая – видели друг в друге братьев и взаимно признавали церковные таинства, в том числе и законность рукоположений духовенства [9, с. 83]. По сути, во Флоренции был достигнут консенсус относительно главных вопросов, разделявших христиан: филиокве, чистилище, совершение Евхаристии, первенство Папы в церкви. В стремлении к восстановлению церковного единства представители Византии руководствовались как христианскими мотивами, так и прагматическими соображениями: император Иоанн VIII Палеолог надеялся на военную помощь со стороны Запада в войне против турок, которые захватили к тому времени основную часть его империи [9, с. 79]. Одним из главных действующих лиц на соборе был митрополит Исидор.

6 июля 1439 г. был принят соборный декрет или булла «*Laetentur caeli*» («Да веселятся небеса») [10], который подписали Папа, византийский император, представители западного и восточного духовенства. В нём отмечалось, что расхождения относительно того, исходит ли Святой Дух от Отца (учение Восточной церкви) или же от Отца и Сына (учение Западной церкви), а также относительно существования чистилища вызваны разной терминологией, используемой богословами на Востоке и Западе, принципиальных различий между ними при этом нет. Для Евхаристии разрешалось использовать как квасной, так и пресный хлеб, в зависимости от сложившейся традиции. В «*Laetentur caeli*» было прописано, что римским понтификам «*вручена полная власть всей Церковью руководить, управлять, пасти её, как это утверждается в документах Вселенских соборов и святых канонах*» [10], а восточные патриархи должны и впредь сохранять все свои привилегии и права. Отметим, что при этом объёмы и границы папской власти, равно как и власти патриархов и соотношение между ними, не уточнялись, что открывало простор для альтернативных интерпретаций в будущем и, как следствие, дальнейших конфликтов.

После собора русский митрополит Исидор был назначен Папским легатом для Польши, Литвы, Руси и Ливонии и возведён в сан кардинала. По пути в свою митрополию он в марте 1440 г. в столице Венгрии Буде обратился с посланием к верующим, в котором проинформировал о решениях собора и заявил о наступившем единстве церквей: христиане отныне могли посещать богослужения как в греческих, так и в латинских храмах, принимать там участие, обращаться за духовной помощью к священникам. В латинском кафедральном соборе Кракова Исидор отслужил литургию по восточному обряду.

В августе 1440 г. он прибыл в столицу ВКЛ Вильно, однако там столкнулся с противодействием со стороны местного латинского епископа Матфея, фактически не признавшего решения Флорентийского собора и воспрепятствовавшего деятельности Исидора [7, с. 114–121]. Верхушку латинского духовенства не устраивали условия Флорентийской унии, предполагавшей равноправие восточных и западных христиан, иерархи выступали тогда за прямое обращение русинов в латинский обряд [11, с. 206], [12, с. 40]. Такую их позицию можно объяснить убеждённой в сотериологической исключительности своей церкви, а также ограниченностью и ригидностью. С другой стороны, с непримиримой позицией иерархов в Латинской церкви были согласны далеко не все. Так, монахи-бернардины гораздо более терпимо относились к восточному обряду и православным русинам, признавали действительность крещения у них, апеллируя при этом к Флорентийскому собору, допускавшему разные формулы крещения при условии его совершения во имя Св. Троицы. Бернардины поддерживали в этом Папы Римские Сикст IV, а затем и Александр VI [12, с. 56, 71]. Любопытно, что бернардины рассказывали об истинности восточного обряда самим православным [11, с. 239], [12, с. 71]. Таким

образом, отношение духовенства Латинской церкви в ВКЛ и Польше к решениям Флорентийского собора в 40–50-е гг. XV в. было неоднозначным. Вероятно, таковым оно осталось и в дальнейшем (данный вопрос требует специального изучения).

Вскоре после Вильно Исидор посетил Киев, где 5 февраля 1441 г. во время церковной службы в храме Св. Софии провозгласил унию. Реакция местной православной общины неясна. С одной стороны, киевский князь Олелько в своей грамоте признавал Исидора митрополитом, с другой – в той же грамоте не содержалось упоминания об унии и о кардинальском достоинстве Исидора [13, с. 179–181]. Вместе с тем, в распоряжении историков есть лишь копия данной грамоты (а не её оригинал), в которой соответствующие фрагменты могли быть удалены [11, с. 338]. Нет информации и о реакции на известие об унии духовенства и верующих [7, с. 122]. Можно предполагать, что перспектива равноправия с Латинской церковью по крайней мере для части православного духовенства могла выглядеть привлекательной.

Из ВКЛ Исидор направился в Москву, куда прибыл в марте 1441 г. Во время литургии в Успенском соборе Кремля он вознёс молитву за Папу Римского, а после окончания богослужения объявил с амвона о соединении церквей. Это вызвало резко отрицательную реакцию властей: митрополит был арестован, осужден церковным собором и заключён в Чудов монастырь. Светская власть и церковные иерархи Московского княжества не приняли Флорентийской унии, расценивая её как отступление от истинной веры, но и митрополит Исидор проявил упорство, решительно отказавшись отречься от неё, несмотря на уговоры и угрозы [7, с. 124–125]. В сентябре 1441 г. он бежал из Москвы, вероятнее всего, с молчаливого согласия её властей, которые оказались в ситуации цугцванга: Константинопольским патриархом был тогда сторонник унии Митрофан II, который, очевидно, не осудил бы Исидора, а организация несанкционированного патриархом суда над митрополитом была бы вопреки канонам. Из Москвы Исидор бежал в ВКЛ, где находился около года, а затем уехал в Венгрию. Столь короткое его пребывание в ВКЛ историки объясняют неприятием унии виленским латинским епископом Матфеем и великим князем литовским Казимиром (затем Казимир изменил свою позицию, об этом ниже) [14]. Вместе с тем, крупным успехом Исидора стало издание королём Польши и Венгрии Владиславом III Варненчиком в 1443 г. грамоты об уравнивании в правах *«греческой религии»* с *«римской»* [15, с. 59–60], действие которой, правда, ограничивалось периодом правления монарха, а он в 1444 г. погиб в битве под Варной [7, с. 127].

В октябре 1458 г. новым киевским митрополитом стал Григорий Болгарин, ученик Исидора и его бывший протодьякон. Он был назначен Григорием III Маммой, униатским патриархом Константинополя, находящимся в изгнании, это решение утвердил Папа Пий II. В пользу Григория Исидор отказался вначале от киевской (на территории ВКЛ и Польского королевства), а затем и московской части Русской митрополии. А.В. Карташев пишет, что Григорий Болгарин объезжал церкви и епархии своей митрополии и во время богослужений поминал Папу Римского [16, с. 545]. Таким образом, Григорий Болгарин являлся действующим митрополитом, находящимся в унии с Римом на условиях Флорентийского собора.

Григория не признала Москва. Великий князь Московский Василий Васильевич убеждал великого князя литовского Казимира не принимать Григория в ВКЛ, а московский митрополит Иона направил двух игуменов – своих эмиссаров для противодействия ему [1, с. 504–505]. Кроме того, Иона призывал епископов в ВКЛ выйти из повиновения новому митрополиту, угрожая им в противном случае *«великой и неизмолимой пред Богом тяжестью церковной»*, однако тщетно: практически все епископы признали Григория Болгарина, за исключением епископа Брянского и Черниговского Ефимия, бежавшего в Москву [16, с. 545]. В Москве же объявили, что православные, подчинившиеся Григорию – *«злomu отступнику от православия»*, сами отлучили себя от церкви и они уже более не *«крестиани»* [17, с. 563].

В середине 1460-х гг. Григорий обратился за благословением к патриарху Константинополя. В феврале 1467 г. патриарх Дионисий I предложил православным ВКЛ и Московского государства признать Григория своим законным митрополитом [17, с. 563]. Патриарх не был в единстве с Римом, и обращение Григория Болгарина к нему можно расценивать как разрыв единства с Папой Римским. В историографии мнения на этот счёт разнятся: если известный исследователь истории Восточной церкви периода средневековья А. Амманн пола-

гал, что Григорий сохранял хорошие отношения с Римом и Константинополем одновременно, то большинство современных историков трактует обращение в Константинополь как разрыв с Римом, вызванный неприятием унии православным населением ВКЛ [11, с. 208–209]. По мнению Б. Гудзяка, Григорий надеялся распространить свою власть и на московскую часть бывшей общерусской митрополии, поэтому обратился к патриарху [15, с. 64].

В последующий период решения Флорентийского Собора признавал митрополит Мисаил (митрополит в 1473–1480 гг.). Возглавив киевскую кафедру в 1473 г., он хотел получить посвящение не от патриарха Константинополя, а от Римского Папы и обратился к нему с посланием, которое, однако, в силу непонятных причин осталось без ответа [12, с. 45]. 14 марта 1476 г. Мисаил направил Папе Римскому Сиксту IV новое послание. Оно содержало множество похвальных слов в адрес понтифика, который, в частности, назывался «*вселенским учителем*» и «*верховным отцом православных патриархов*». В послании звучала просьба о благословении, заявлялось о приверженности решениям Флорентийского собора и единстве Киевской митрополии с Апостольским Престолом. Митрополит Мисаил жаловался на притеснения со стороны латинского духовенства и выступал за равноправие Восточной и Западной церковью под верховной властью Папы. В Киевской митрополии при этом должен был сохраняться восточный обряд («*обычай и устав*») [11, с. 213–214], [12, с. 47].

Помимо самого митрополита послание подписали архимандриты Киево-Печерского монастыря Иоанн и Виленского Троицкого монастыря Макарий, а также 13 представителей православной светской знати ВКЛ: родственники великого князя Казимира князь Михаил Олелькович и Фёдор Бельский, правитель Вяземского княжества князь Дмитрий Константинович (Рюрикович), витебский наместник, маршалок и гетман наивысший Иван Ходкевич, Павел Каменецкий, полоцкий боярин Евстафий Корсак, староста путивльский Роман и его брат Иоанн (киевские бояре), наивысший писарь ВКЛ Якуб, подскарбий Александр Солтан, его сыновья Михаил, Андрей и Иван [18, с. 199–200]. Подписи представителей православной знати свидетельствуют об определённой поддержке идеи унии со стороны православных элит ВКЛ. Из числа представителей знати двое являлись Гедиминовичами, один – Рюриковичем. К тому времени в ВКЛ сложилось представление об особом попечении православных князей над церковью в ВКЛ [12, с. 51]. Любопытно, что Гедиминовичи, находившиеся тогда в конфликте с великим князем Казимиром и пытавшиеся его свергнуть, тем не менее, подписали послание [12, с. 52]. Вероятно, они ставили единство христианского мира и благо церкви выше собственных интересов. Нет оснований подозревать подписантов послания в тайном стремлении упразднить восточный обряд и превратить русинов в «римлян». Очевидно также, что послание не могло появиться без санкции и одобрения Казимира Ягеллончика, который на тот момент (в отличие от времён Исидора) уже поддерживал унию с Римом.

Сложно оценить степень поддержки унионной инициативы митрополита Мисаила в церковной среде. Исследователи уже обращали внимание на отсутствие подписей других епископов под посланием [2, с. 534], [12, с. 49], равно как и подписей влиятельных православных князей Волыни [12, с. 53]. Но, возможно, сторонников унии тогда было больше. Так, в июле 1475 г. бернардины Польской провинции (она охватывала и ВКЛ) писали Сиксту IV, что их храмы посещают и часто присутствуют на проповедях православные русины, которые, вместе с тем, не намереваются переходить в латинский обряд. По предположению Б.Н. Флори, это могли быть сторонники унии [12, с. 48]. Послание Мисаила не привело к каким-либо конкретным результатам. В историографии высказывается предположение, что оно могло и вовсе не дойти до адресата – Папы [12, с. 53]. Преемник Мисаила Симеон, избранный в 1481 г., находился в юрисдикции Константинополя.

На рубеже XV–XVI вв. попытку восстановления единства Восточной и Западной церковью предприняли великий князь литовский Александр и киевский митрополит Иосиф Болгариневич (митрополит в 1497–1501 гг.). 20 августа 1500 г. митрополит Иосиф обратился с посланием к Папе Александру VI (Борджиа). По стилистике оно напоминало послание Мисаила, которое мы рассматривали выше, и, вероятно, послужило примером для Иосифа. Папа был назван «*тастырем всех верных и главой вселенской Церкви и всех святых отцов и патриархов*», заявлялось о приверженности решениям Флорентийского собора и звучала просьба

к Папе о благословении и покровительстве. Помимо того, митрополит Иосиф отмечал, что другие его просьбы изложит понтифику его посланник Иван Сапега [12, с. 65]. Об их содержании известно из иных источников. Митрополит Иосиф просил Папу признать его главой Восточной церкви во владениях великого князя Александра, наделив правом прощать грехи христианам восточного и латинского обрядов, подтвердить неприкосновенность восточного обряда и действенность крещений в нём, а также его равноправие с обрядом латинским [12, с. 65], [19]. Послание митрополита Иосифа, в отличие от послания Мисаила, по сути, носило личный характер. Однако в условиях начавшейся тогда войны ВКЛ с Московским государством созвать церковный собор, который санкционировал бы переговоры об объединении либо же принял обращение к понтифику, было проблематично. Кроме того, одновременно с посланием Иосифа Папе были направлены письма великого князя Александра и латинского епископа Вильно Альберта Войцеха Табора. Они оба просили Папу принять митрополита Иосифа под своё покровительство [12, с. 66]. Этот факт показывает, что обращение к Папе не было личной инициативой Иосифа (или не только его инициативой). Действия великого князя Александра объясняются, помимо стремления к внутреннему укреплению государства, также и династическим фактором: он был женат на дочери Ивана III Елене, при вступлении в брак с которой в 1495 г. обязался не принуждать её к переходу в латинский обряд. Обрядовая принадлежность своих потомков внушала Александру обеспокоенность.

В апреле–мае 1501 г. Папа Александр VI ответил великому князю литовскому Александру и епископу Табору. Он писал, что не может признать митрополи́че достоинство Иосифа, так как тот был рукоположен не патриархом Константинополя, находящимся в единстве с Римом, а Константинопольским патриархом «*еретиком Иоакимом*». Следовательно, Иосиф должен был отказаться от сана и просить Папу или униатского патриарха Константинополя о возведении на митрополию [12, с. 66]. Как представляется, Александр VI выдвинул тем самым заведомо неприемлемое требование. Вопросы церковной власти и титулов – это очень щекотливая тема, которая зачастую является непреодолимым препятствием для объединения христиан.

Хотя Иосиф заявлял о приверженности решениям Флорентийского собора, Папа писал, что эти решения де-факто не выполняются в ВКЛ: православные русины не разделяют догматических определений Флорентийского собора, не признают верховенство Папы, враждебно относятся к верующим латинского и т. д. Виленскому латинскому епископу поручалось исследовать, в какой степени выполняются флорентийские решения. Лишь после этого Рим готов был вернуться к рассмотрению предложения Иосифа. Самому киевскому митрополиту Папа Александр VI вовсе не ответил. Исследователи полагают, что на формирование столь категоричной позиции Апостольского Престола повлияла латинская иерархия ВКЛ и Польши, настроенная антиуниатски [12, с. 67–68]. Для ясности картины отметим, что Папа Александр VI Борджиа не стремился ликвидировать восточный обряд и не требовал от русинов отказаться от него. В своём ответном письме великому князю литовскому Александру он писал, что если Русская церковь примет католические догматы о верховенстве римских понтификов в христианском мире, филиокве, учение о чистилище, то «греческому» духовенству будет разрешено вступать в брак, а также использовать квасной хлеб во время литургии. Иными словами, речь шла о выполнении решений Флорентийского собора как условия единства с Римом и сохранении при этом обрядового своеобразия Восточной церкви. Это условие выполнено не было и, таким образом, инициатива великого князя Александра и митрополита Иосифа Болгариновича потерпела фиаско.

О каких-либо конкретных действиях в направлении восстановления единства с Римом на протяжении большей части XVI в. неизвестно. Сказывался неудачный опыт унионных инициатив предшествующего периода, непростые взаимоотношения между представителями латинского и восточного обрядов, а также кризисное состояние самой Восточной церкви. Лишь в конце XVI в. попытки восстановления единства восточных и западных христиан вновь были возобновлены.

Литература

1. Голубинский, Е. Е. История Русской церкви / Е. Е. Голубинский. – М. : Университетская типография, 1900. – Т. II : От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. – 919 с.

2. Грушевський, М. Історія України–Руси : в 11 т., 12 кн. / М. Грушевський. – К. : Наук. думка, 1994. – Т. 5. – 704 с.
3. Турилов, А. А. Григорий Цамблак / А. А. Турилов // Православная энциклопедия – М. : ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2006. – Т. 12. – С. 583–592.
4. Задворный, В. Базельский собор / В. Задворный // Католическая энциклопедия. – М. : Издательство Францисканцев, 2002. – Т. I. – С. 433–434.
5. Тарасов, А. Е. Герасим / А. Е. Тарасов // Православная энциклопедия. – М. : ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2006. – Т. 11. – С. 152–154.
6. Веретенников, М. Митрополиты Древней Руси / архим. М. Веретенников. – М., 2016. – 1256 с.
7. Акишин, С. Ю. Митрополит Исидор Киевский (1385/1390–1463) / С. Ю. Акишин. – Екатеринбург : Екатеринбургская духовная семинария, 2018. – 324 с.
8. Кудрявцев, О. Ферраро-Флорентийский собор / О. Кудрявцев // Католическая энциклопедия. – М. : Издательство Францисканцев, 2011. – Т. IV. – С. 1722–1726.
9. Суттнер, Э. Христианство Востока и Запада : В поисках зримого проявления единства / Э. Суттнер. – М. : Библ.-Богосл. ин-т св. Апостола Андрея, 2003. – 312 с.
10. Laetentur Caeli. Bulla Unionis Graecorum. 6 iulii 1439 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.vatican.va/content/eugenius-iv/la/documents/bulla-laetentur-caeli-6-iulii-1439.html>. – Date of access : 17.01.2023.
11. Флоря, Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье : сборник / Б. Н. Флоря. – М. : ЦНЦ «ПЭ», 2007. – 436 с.
12. Флоря, Б. Н. Попытка осуществления церковной унии в Великом княжестве Литовском в последней четверти XV – начале XVI в. / Б. Н. Флоря // Славяне и их соседи. – М. : Наука, 1999. – Вып. 7. – С. 40–81.
13. Уставная грамота киевского князя Александра Владимировича церкви св. Софии в Киеве и митрополиту киевскому и всея Руси Исидору // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд., подг. Я. Н. Шапов. – М. : Наука, 1976. – С. 179–181.
14. Акишин, С. Ю. Исидор / С. Ю. Акишин, Б. Н. Флоря // Православная энциклопедия. – М. : ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2006. – Т. 27. – С. 177–182.
15. Гудзяк, Б. Криза і реформа : Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії / Б. Гудзяк ; під ред. О. Турія. – Львів : Інститут історії Церкви, 2000. – 426 с.
16. Карташев, А. Собрание сочинений : в 2 т. / А. Карташев. – М. : ТЕРРА, 1992. – Т. 1 : Очерки по истории Русской церкви. – 686 с.
17. Флоря, Б. Н. Григорий / Б. Н. Флоря // Православная энциклопедия. – М. : ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2006. – Т. 12. – С. 562–563.
18. Грамота киевского митрополита Мисаила к папе Сиксту IV, 1476 г., обнародованная Ипатием Потеем в 1605 г. («Посельство до папежа») // Архив Юго-Западной России, издаваемый Коммиссиею для разбора древних актов. – Киев, 1887. – Ч. 1, т. 7. – С. 193–231.
19. Флоря, Б. Н. Иосиф Болгаринич / Б. Н. Флоря // Православная энциклопедия. – М. : ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2010. – Т. 25. – С. 620–621.